

Перевод Наталии Трауберг

Глава первая

КАК ДЕТИ ОШИБЛИСЬ ДВЕРЬЮ

Повесть эта о том, что случилось, когда твой дедушка был маленьким. Она очень важна, потому что без неё не поймёшь, как установилась связь между нашим миром и Нарнией.

В те дни Шерлок Холмс ещё жил на Бейкер-стрит, а патер Браун не расследовал преступлений. В те дни, если ты был мальчиком, тебе приходилось носить каждый день твёрдый белый воротничок, а школы большей частью были ещё хуже, чем теперь. Но еда была лучше, а что до сладостей, я и говорить не стану, как они были дешёвы и вкусны, — зачем тебя зря мучить. И в те самые дни жила в Лондоне девочка Полли Пламмер.

Жила она в одном из домов, стоявших тесным рядом. Как-то утром она вышла в крошечный садик позади дома, и мальчик из соседнего садика подошёл к самой изгороди. Полли удивилась: до сих пор в том доме детей не было, там жили мисс и мистер Кеттерли, старая дева и старый холостяк. И вот Полли удивлённо посмотрела на мальчика. Лицо у него было грязное, словно он копался в земле, потом плакал, потом утёрся рукой. Примерно это, надо сказать, он и делал.

- Здравствуй, мальчик, — сказала Полли.
- Здравствуй, — сказал мальчик. — Как тебя зовут?
- Полли. А тебя?
- Дигори.
- Ой, как смешно! — воскликнула Полли.
- Ничего смешного не вижу, — обиделся мальчик.
- А я вижу.

– А я нет!

– Я хоть умываюсь, – заметила Полли. – А тебе вот надо умыться, особенно... – И она замолчала, потому что хотела сказать: «...после того как ты плакал», но решила, что это невежливо.

– Ну и что, ну и ревел! – вспыхнул Дигори, которому было так худо, что чужое мнение уже не трогало. – И сама бы ревела, если бы жила всю жизнь в саду, и у тебя был пони, и ты бы купалась в речке, а потом тебя притащили в эту дыру...

– Лондон не дыра, – возмутилась Полли, но Дигори так страдал, что не заметил её слов:

– ...и если бы твой папа уехал в Индию, и ты бы приехала к тёте и дяде, а он сумасшедший, да, самый что ни на есть, и всё потому, что за мамой надо ухаживать, она очень больна... и... и...

Лицо его перекопилось, как бывает всегда, если пытаешься не заплакать.

– Прости, я не знала, – смиренно сказала Полли и помолчала немного, но ей хотелось отвлечь Дигори, и она спросила: – Неужели мистер Кеттерли сумасшедший?

– Да, – кивнул Дигори, – или ещё хуже. Он что-то делает в мансарде, тётя Летти меня туда не пускает. Странно, а? Но это ещё что! Когда он обращается ко мне за обедом – к ней он и не пробует, – она говорит: «Эндрю, не беспокой ребёнка», или: «Дигори это ни к чему», или: «Дигори, а не поиграть ли тебе в садике?».

– Что же он хотел сказать?

– Не знаю. Он ни разу не договорил. Но и это не всё. Один раз, то есть вчера вечером, я проходил мимо лестницы – ох и противно! – и слышал, что в мансарде кто-то кричит.

– Может быть, он там держит сумасшедшую жену?

– Да, я тоже подумал.

– А может, печатает деньги?

– А может, он пират, как в «Острове сокровищ», и прячется от прежних друзей...

– Ой, как интересно! – воскликнула Полли. – Вот не знала, что у вас такой замечательный дом.

— Тебе интересно, — буркнул Дигори, — а мне в этом доме спать. Лежишь, а он крадётся к твоей комнате... И глаза у него жуткие.

Так познакомились Полли и Дигори, и поскольку были каникулы, а к морю в тот год никто из них не поехал, они стали видеться почти каждый день.

Приключения их начались потому, что лето было на редкость дождливое. Приходилось сидеть дома, а значит — исследовать дом. Просто удивительно, сколько всего можно найти в доме или в двух соседних домах, если у тебя есть свечка. Полли знала давно, что с её чердака идёт проход вроде туннеля: с одной стороны — кирпичная стенка, с другой — покатая крыша. Свет проникал туда через просветы черепицы, пола не было, ступать приходилось по балкам. Под ними белела штукатурка, а если станешь на неё, провалишься прямо в комнату. До конца туннеля Полли не ходила, а в начале, сразу за дверцей, устроила что-то вроде пещеры контрабандиста.

Она натаскала туда картонных коробок и сидений от сломанных стульев и положила между балками, как бы настлала пол. Там она хранила шкатулку с сокровищами и повесть, которую писала, несколько яблок; там любила выпить имбирного лимонада – какая же пещера без пустых бутылок?

Дигори пещера понравилась (повесть Полли не показала), но хотелось залезть подальше, и он спросил:

– Интересно, докуда можно пойти? Дальше твоего дома или нет?

– Дальше, – сказала Полли, – а докуда, не знаю.

– Значит, мы пройдем все дома насквозь.

– Да, – ответила Полли и вдруг ойкнула.

– Что такое?

– Мы в них залезем.

– И нас схватят как воров. Нет уж, благодарю.

– Ох, какой умный! Мы залезем в пустой дом, сразу за твоим.

– А что там такое?

– Да он пустой – папа говорит, там давно никого нет.

– Посмотреть надо, – сказал Дигори.

На самом деле боялся он гораздо больше, чем можно было предположить, судя по его тону. Конечно, он подумал, как и вы бы

подумали, о том, почему в этом доме никто не живёт; думала об этом и Полли. Никто не сказал слово «привидения», но оба знали, что теперь отступить стыдно.

– Идём? – спросил Дигори.

– Идём, – сказала Полли.

– Нет, если не хочешь, не ходи...

– Да уж нет, я пойду.

– А как мы узнаем, что мы в том доме?

Они решили пойти на чердак и, шагая с балки на балку, отмерять, сколько балок приходится на комнату. Потом они отведут балки четыре на промежуток между чердаком и комнатой служанки, а на саму эту комнату – столько, сколько на чердак. Прделав такое расстояние дважды, можно сказать, что миновали оба дома и дальше идёт уже тот, пустой.

– Не думаю, что он совсем пустой, – сказал Дигори.

– А какой же?

– Кто-нибудь там скрывается, а выходит ночью, прикрыв фонарь. Наверное, шайка... жуткие злодеи... они от нас откупятся... Нет, не может дом стоять пустой столько лет. Это какая-то тайна.

– Папа думает, там протекают трубы, – сказала Полли.

– Взрослые всегда думают самое неинтересное, – сказал Дигори.

Теперь, при дневном свете, как-то меньше верилось в привидения – не то что в пещере, при свечах.

Измерив шагами чердак, они записали, что вышло, и у каждого вышло иначе. Как-то они свели результаты воедино, однако я не уверен, что и тут получилось правильно. Слишком хотелось им начать исследование.

– Ступай потише, – сказала Полли, когда они полезли в проход.

Ради такого случая каждый взял по свече (у Полли в тайнике их было много). Проход был пыльным, и тёмным, и холодным. Полли и Дигори ступали с балки на балку молча, только иногда шептали «теперь твой чердак» или «наш дом мы почти прошли». Они ни разу не споткнулись, свечи у них не погасли, и дверцы в кирпичной

стене они достигли, только на ней, конечно, не было ручки, потому что никто не входил в неё снаружи, однако внутри ручка была, а снаружи торчал шпенёк (такой бывает внутри шкафа).

– Повернуть его? – спросил Дигори.

– Если ты не боишься, – сказала Полли. – А то я поверну.

Обоим стало жутковато, но отступить они не смогли бы. Дигори не без труда повернул шпенёк. Дверь распахнулась, и солнечный свет ослепил их. Потом, к большому своему удивлению, они увидели, что перед ними не пустой чердак, а простая, хотя и пустоватая, комната. Полли задула свечу и ступила туда.

Конечно, потолок здесь был скошен, но мебель стояла самая обычная. Стены не были видны из-за книжных полок, сплошь уставленных книгами, в камине горел огонь (вы помните, лето было холодное), а перед камином, спинкой к ним, стояло высокое кресло. Между креслом и Полли, посреди комнаты, стоял очень большой

стол, а на нём были книги, блокноты, чернильницы, перья, сургуч и микроскоп. Но прежде всего в глаза бросался ярко-алый деревянный поднос, на котором лежали кольца. Разложены они были по два – жёлтое и зелёное, потом промежуток, потом ещё одно жёлтое и ещё одно зелёное. Размера они были обычного, но сверкали ослепительно. Вы и представить себе не можете, как дивно они сверкали. Будь Полли помладше, ей бы захотелось сунуть одно из них в рот.

В комнате было так тихо, что Полли сразу услышала тиканье часов. И всё-таки тихо было не совсем: где-то что-то гудело. Если бы тогда уже изобрели пылесос, Полли подумала бы, что это он и работает за несколько комнат и этажей отсюда. Но звук был приятней, чем у пылесоса, и очень, очень тихий.

– Иди, тут никого нет.

Грязный Дигори, моргая, вышел из прохода (грязной, конечно, была и Полли) и пробубнил:

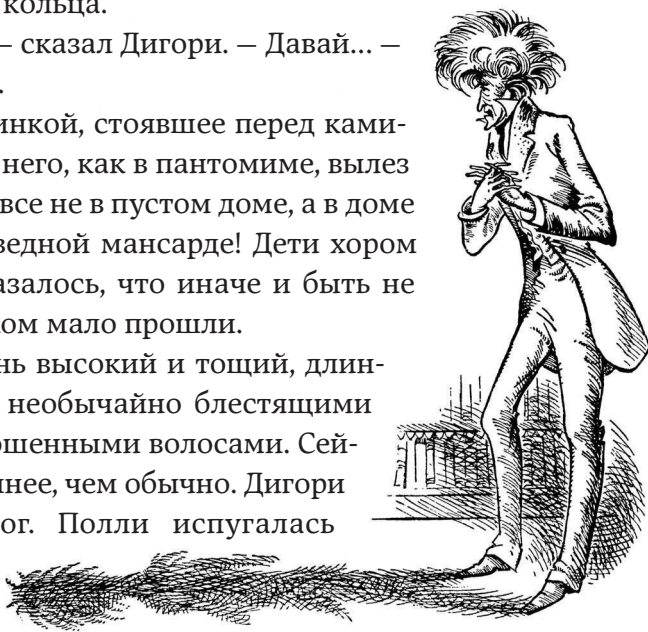
– Стоило лезть! Совсем он не пустой. Давай уйдём, пока они не вернулись.

– Как ты думаешь, кто здесь живёт? – спросила Полли, указывая на зелёные и жёлтые кольца.

– А какое нам дело! – сказал Дигори. – Давай... – Но фразу он не закончил.

Кресло с высокой спинкой, стоявшее перед камином, задвигалось, а из-за него, как в пантомиме, вылез дядя Эндрю. Они были вовсе не в пустом доме, а в доме Дигори, да ещё и в заповедной мансарде! Дети хором охнули. Теперь обоим казалось, что иначе и быть не могло, потому что слишком мало прошли.

Дядя Эндрю был очень высокий и тощий, длиннолицый, остроносый, с необычайно блестящими глазами и седыми взъерошенными волосами. Сейчас он казался ещё страшнее, чем обычно. Дигори просто говорить не мог. Полли испугалась

меньше, но и ей стало не по себе, когда дядя Эндрю молча прошёл к дверям и запер их на ключ. После этого он повернулся к детям, взглянул на них сверкающими глазами и, обнажив в улыбке острые зубы, сказал:

– Ну вот! Теперь моя дура сестрица до вас не доберётся.

Полли и не думала, что от взрослых можно такое ожидать, поэтому ужасно испугалась, и они с Дигори попятились к дверце, в которую вошли, но дядя обогнал их и запер её, а вдобавок встал перед нею, потом потёр руки, так что пальцы затрещали (пальцы у него были длинные и белые), и усмехнулся:

– Счастлив вас видеть. Двое деток – именно то, что мне нужно.

– Мистер Кеттерли, – сказала Полли, – мне пора обедать, меня ждут дома. Отпустите нас, пожалуйста!..

– Со временем, со временем, – пробормотал дядя Эндрю. – Нельзя упускать такой случай. Мне не хватало именно двух деток. Понимаете, я ставлю небывалый, великий опыт. С морской свинкой как будто бы получилось. Но свинка ничего не расскажет. Да ей и не объяснишь, как вернуться.

– Дядя, – сказал Дигори, – обедать и правда пора, нас станут искать. Вы должны отпустить!..

– Должен? – спросил дядя Эндрю.

Дигори и Полли переглянулись. Говорить они не смели, но взгляды их значили: «Ужас какой!» и «Надо его умаслить».

– Если вы нас выпустите, – сказала Полли, – мы придём после обеда.

– Кто вас знает? – сказал дядя Эндрю и хитро усмехнулся. Но тут же передумал. – Хорошо, надо так надо. На что таким детям старый скучный человек!.. – Он вздохнул. – Если бы вы знали, как мне бывает одиноко. Да что там... Идите обедайте. Только сперва я вам кое-что подарю. Не каждый день у меня бывают маленькие девочки, особенно – такие милые...

Полли подумала, что он не такой уж и сумасшедший.

– Хочешь колечко, душечка? – спросил её дядя Эндрю.

– Жёлтое или зелёное? Ой, какая прелесть!

— Нет, не зелёное, — сказал дядя. — Мне очень жаль, но зелёное я дать не могу. А жёлтое — с удовольствием. Бери и носи на здоровье. Ну, бери!

Полли больше не боялась: дядя был совсем не сумасшедший, а кольца и впрямь прелестны, — и, шагнув к столу, сказала:

— Смотрите-ка! Гудит и гудит, как будто сами кольца.

— Какая странная мысль! — заметил дядя и засмеялся.

Смех был вполне естественный, однако Дигори не понравилось слишком бодрое, чуть ли не алчное выражение дядиных глаз, и он крикнул:

— Полли, не бери! Не трогай!

Но было поздно. Он ещё говорил, когда Полли коснулась одного кольца и сразу же, без звука, исчезла. Дигори с дядей остались одни.

Глава вторая

ДИГОРИ И ЕГО ДЯДЯ

Случилось это так неожиданно и так походило на страшный сон, что Дигори вскрикнул. Дядя Эндрю зажал ему рот рукой, прошипел:

— Не смей! — и прибавил помягче: — Не шуми, твоя мама услышит. Зачем её пугать?

Дигори говорил потом, что его просто затошнило от такой подлой уловки, но, конечно, кричать он больше не стал.

— То-то, — сказал дядя. — Ничего не поделаешь, каждый бы удивился. Я и сам удивился вчера, когда исчезла свинка.

— Это вы и кричали? — спросил Дигори.

— Ах, ты слышал? Ты что, следил за мной?

— Нет, — сердито сказал Дигори. — Объясните, что с Полли!

— Поздравь меня, мой мальчик, — сказал дядя Эндрю, потирая руки. — Опыт удался. Девочка исчезла... сгинула... в этом мире её нет.

- Что вы с ней сделали?!
- Послал... э... в другое место.
- Не понимаю, – сказал Дигори.

Дядя Эндрю опустился в кресло.

– Что ж, я тебе объясню. Ты слышал когда-нибудь о мисс Лё Фэй?

- Она наша двоюродная бабушка? – припомнил Дигори.
- Не совсем, – сказал дядя Эндрю, – она моя крёстная. Вон её портрет, смотри.

Дигори посмотрел и увидел на выцветшей фотографии старую даму в чепце. Теперь он вспомнил, что такой же портрет видел ещё дома, в комодке, и спросил маму, кто это, и мама почему-то замялась. Лицо было неприятное, но кто его знает, на этих старинных фотографиях...

– Кажется... кажется, она была... не совсем хорошая?

– Ну, – ответил дядя Эндрю, – это зависит от того, что называть хорошим. Люди узко мыслят, мой друг. Да, странности у неё были. Бывали и... чудачества. Иначе её не поместили бы...

– В сумасшедший дом?

– Нет, нет, нет! – Дядя был шокирован. – Ничего подобного!

В тюрьму.

– Ой! А за что?

– Бедная женщина! – со вздохом проговорил дядя. – Не хватило благоразумия... Но не будем в это вдаваться. Ко мне она всегда была добра.

– Да при чём тут это! – воскликнул Дигори. – Где Полли?

– Всё в своё время, мой друг. Мисс Лё Фэй выпустили, и после этого она почти никого не хотела видеть. Я был из тех немногих, кого она ещё принимала. Видишь ли, её стали раздражать ординарные, скучные люди. Собственно, они раздражают и меня. Кроме того, у нас с ней были общие интересы. За несколько дней до смерти она велела мне открыть тайничок в её шкафу и принести маленькую шкатулку. Как только я эту шкатулку тронул, сразу почувствовал – да, просто пальцами, – что в моих руках огромная

тайна, ну а когда принёс, она отдала мне её и приказала, не открывая, сжечь сразу после её смерти с определёнными церемониями. Конечно, я этого не сделал.

– И очень плохо, – сказал Дигори.

– Плохо? – удивился дядя. – А, понимаю! По-твоему, надо выполнять обещания. Резонно, резонно, вот ты и выполняй. Но сам посуди: такие правила хороши для слуг, детей, женщин, вообще для людей, но не для великих учёных, мыслителей и мудрецов. Нет, Дигори. Те, кто причастен к тайной мудрости, свободны и от мещанских правил, и от мещанских радостей. Судьба наша, мой мальчик, возвышенна и необычна. Удел наш высок, мы одиноки...

Он вздохнул с такой благородной, такой таинственной печалью, что Дигори целую секунду сочувствовал ему, но тут вспомнил, какими были дядины глаза, когда он предлагал Полли кольцо, и подумал: «Ага, значит, он может делать всё, что ему угодно!..»

– Конечно, шкатулку я открыл не сразу, – продолжил дядя. – Я опасался, нет ли в ней чего-нибудь... нежелательного. Моя крёстная была чрезвычайно своеобразной дамой. Собственно, она последняя из смертных, в ком текла кровь фей. Сама она ещё застала двух таких женщин – герцогиню и подёнщицу. Ты, Дигори, беседуешь с последним человеком, у которого была фея-крёстная. Будет что вспомнить в старости, мой мальчик!

«Ведьма она, а не фея!» – подумал Дигори и снова спросил:

– А где же Полли?

— Какой ты нетерпеливый! — рассердился дядя. — Разве в этом дело? Сперва, конечно, я осмотрел шкатулку. Она была очень старинная. Я сразу понял, что это не Греция, не Египет, не Вавилон и не страна хеттов, даже не Китай. Она была древнее всех этих стран. Наконец, в один поистине великий день, я догадался, что сделана она в Атлантиде, то есть на много веков раньше, чем те каменные штучки, которые выкапывают в Европе. Да, это вам не грубый топор! Ещё на заре времён в Атлантиде были дворцы, и храмы, и учёные.

Он подождал немного, но Дигори не восхищался, ибо дядя с каждой минутой нравился ему всё меньше, и заговорил снова:

— Тем временем я изучал тайные науки (вряд ли прилично рассказывать о них ребёнку). Пришлось познакомиться с... как бы это сказать... чертовски странными людьми и пройти через довольно гнусные испытания. От всего этого я и поседел раньше времени. Стать чародеем — это тебе не шутка! Я вконец испортил здоровье — правда, теперь мне лучше, — зато *узнал*.

Подслушать их было некому, но дядя подвинулся поближе и понизил голос:

— То, что было в шкатулке, не нашего мира, и попало оно к нам, когда наш мир только-только начинался.

— Что же именно там было? — спросил Дигори, поневоле захваченный рассказом.

— Пыль, — ответил дядя Эндрю, — сухая пыль. Смотреть не на что. Но я-то посмотрел — не тронул, нет, но взглянул! Как-никак, она из другого мира, не с другой планеты, вообще из другого, из другой природы, куда не попадешь через пространство... только колдовством, да!

И дядя потёр руки так, что пальцы у него затрещали, словно фейерверк.

— Понятно, я знал, что пыль эта может перенести в другие миры, если слепишь из неё то, что надо. Но что же именно и как? Много опытов я проделал впустую. Морские свинки просто погибли или лопались...